

- Life of King Henry 1911** – The First English Life of King Henry the Fifth. – Oxford: Clarendon Press, 1911. – 212 p.
- Keen 2004** – Keen M. H. England in the Later Middle Ages. A Political History. – London: Methuen & Co LTD, 2004. – P. 363 (всего 564 p.)
- Lanz 1874** – Lanz M. König Sigismund und Heinrich der Fünfte von England. – Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1874.
- Saint-Denys 1844** – Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Publ. par M. L. Bellaguet. – P.: De l' imprimerie de crapelet, 1844. – T. V. – 768 p.
- Saint-Denys 1852** – Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Publ. par M. L. Bellaguet. – P.: De l' imprimerie de crapelet, 1852. – T. VI. – 795 p.
- Windeke 1941** – Windecke E. Das Leben König Sigismunds / Überz. Dr. von Hagen. – Leipzig: Alfred Lorenz, 1941. – 316 s.
- Wylie, Waugh 1929** – Wylie J. H., Waugh W. T. The Reign of Henry the Fifth. – Cambridge: University Press, 1929. – Vol. III: 1415–1422. – 555 p.

Oleg. I. Nuzhdin

THE TRAVEL OF IMPERATORS: THE VYAGE OF SIGISMUND I FOR THE ASSOCIATION OF EUROPE (1415-1416)

The article explores the reasons for Sigismund I's trip to Europe in 1415-1416. The analysis of the composition of the King's suite, travel expenses, as well as the specifics of the receptions organized by the authorities in honor of his arrival are made. The article concludes why the results of the trip were significantly different from the original plan.

Keywords: Konstanz Council, Sigismund I, Hundred Years War, travels, politicians, Middle Ages

УДК 821.161.1-94

Код ВАК 07.00.02; 10.01.01

А.И. Попович

**«БОЛЕЗНЬ СЕРДЦА» В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»:
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ЖЕРТВЕННОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ**

В статье предлагается использовать подход, принятый при изучении истории эмоций к исследованию жертвенной модели поведения в памятниках Борисоглебского цикла XI–XII вв. Формулируется специфика образного раскрытия эмоций в тексте, а также ставится вопрос о причинах эмоциональной и исторической обусловленности такого поведения.

Ключевые слова: святые Борис и Глеб, «Сказание о Борисе и Глебе», история эмоций, жертвенность, модель поведения, древнерусская литература.

История эмоций – одно из наиболее перспективных современных направлений в изучении русской культуры, язык и предметные границы которого только формируются³⁶⁹. Хронологических ограничений для исследований подобного рода нет, и они могут оказаться продуктивными и в отношении русской средневековой культуры³⁷⁰.

«Эмоциональный поворот» во многом отражает общий антропоцентризм историко-филологической науки и извлекает прекрасный материал для изучения и многоуровневого описания чувственного мира, формирующего разнообразные модели поведения, актуализация которых имела свои особенности на разных исторических этапах. Для этапа становления древнерусской культуры (XI–XII вв.) в памятниках Борисоглебского цикла выделяется интерес книжников к так называемой жертвенной модели поведения. Братья делают нравственный выбор в пользу самопожертвования и непротивления злу насилием, становясь таким образом объектом конструирования принципиально новой для того времени модели поведения, если угодно, «нового человека»³⁷¹.

Эмоциональная сторона такого выбора, несомненно, важна, и исследователи текстов, посвященных Борису и Глебу, в разных контекстах так или иначе касались тех или иных ее составляющих³⁷². При изучении истории эмоций нужно учитывать жанровую принадлежность памятников, поскольку именно от жанра зависит их наполнение и авторская установка. В этом смысле наиболее насыщен эмоциями текст «Сказания о Борисе и Глебе», создателям которого важно пере-

Попович Алексей Игоревич, студент, кафедра русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51).

Popovich Alexey, student, the Department of Russian and Foreign Literature of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin.

Телефон/Phone: +7 (904) 383-66-09. E-mail: alexeypopowich@mail.ru.

© Попович А. И., 2018

Статью рекомендует Земцов В.Н., д-р истор. наук, проф.

³⁶⁹ См. новейшее обобщающее исследование истории эмоций: Плампер 2018.

³⁷⁰ Интересно, что в одном из последних коллективных исследований истории эмоции нет работ, посвященных эмоциям в допетровской России (Российская империя чувств).

³⁷¹ Термин, не раз употреблявшийся применительно к этому периоду. О «новом сознании» Киевской Руси см.: Вагнер 1995; об «антропоцентризме» монументального историзма см.: Лихачев 1958.

³⁷² Одним из первых о высоком значении для художественности «Сказания о Борисе и Глебе» эмоциональной составляющей заявил В. Н. Топоров: Топоров 1995: 491–494; авторскую установку на эмоциональность текстов и способы ее создания исследовал А. С. Демин: Демин 2009: 34–37, 99–111, 291–299; нельзя не упомянуть и исследований А. М. Ранчина, объединенных в кн.: Ранчин 2017.

дать чувства и переживания самих героев³⁷³; ему и посвящена настоящая работа.

В отдельном комментарии нуждается неизбежно возникающее противоречие между так называемым «литературным этикетом»³⁷⁴ и подлинной, ненамеренной эмоциональностью, имеющей не художественное, а практически ориентированное основание. Действительно ли молитвы Бориса и Глеба отличаются лишь «чисто этикетным характером», а «искусственность коллизий» воспринималась читателями только как «деталь житейного ритуала»³⁷⁵?

Отбор нравственных качеств и связанных с ними эмоций и национальная специфика жертвенной модели поведения взаимоопределяют друг друга. Художественно оформленное чувство³⁷⁶ может не только отражать эмоциональную культуру людей того времени и воздействовать на формирование определенного ее типа у читателя и, что особенно важно, массового слушателя, поскольку основной способ восприятия агиографических текстов – церковная служба, но и представлять собой ритуальное или символическое действие – своеобразный стержень, без которого немислима реализация модели поведения.

Парадоксальная жертва Бориса и Глеба выступила воплощением христианской аксиологии на Руси XI–XII вв. В отличие от доблестной смерти на бранном поле или трагической преждевременной – от руки убийцы, христианская добровольная жертва направлена к Богу и является воплощением любви как высшего проявления религиозности христианина.

Эмоциональная природа любви очевидна. **«Боязни въ любви нѣсть, съвършенная любы вьнѣ измещеть страхъ»³⁷⁷**, – объясняет Борис свою парадоксальную любовь к Святополку, собирающемуся его убить. Любовь Бориса противостоит страху смерти и объективируется самим Богом, к нему он обращается с просьбой обратить внимание на «болезнь сердца»: **«Призьри съ высоты святыя Твоея, вижь болѣзнь сьрдьца»³⁷⁸ моего, юже прияхъ отъ сьрдьника моего, яко Тебе ради умьрщвляемъ есмь вьсь днь»³⁷⁹**.

Борис переживает это в том числе и по вине Святополка. Важно, что сам Святополк, осмысливая содеянное, испытывает нечто подоб-

³⁷³ Авторской риторической организации текста «Сказания» посвящена работа: Lunde 2006.

³⁷⁴ Термин, введенный Д. С. Лихачевым для характеристики авторской установки на традиционность при создании текста. См.: Лихачев 1979.

³⁷⁵ Цит. по: Творогов 1980: 55.

³⁷⁶ Разница между понятиями «чувство» и «эмоция» не так принципиальна для исследований такого рода.

³⁷⁷ Абрамович 1916: 30. Ср. ниже высказывания Святополка, боящегося лишиться власти.

³⁷⁸ Здесь и далее курсив наш – А. П.

³⁷⁹ Абрамович 1916: 36.

ное, когда пытается представить себе, что произойдет, если он не продолжит цепь своих преступлений: **«Буду чюжь престола отца моего, и жалость землѣ моя сънѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и княжение мое приметъ инь, и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго, зане его же Господь възлюбилъ, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ»**³⁸⁰.

Святополк убежден не только в безвыходности и предопределенности своего положения – «обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣститься»³⁸¹ – но и в том, что Господь не сможет его простить, поскольку он любит только таких нравственно совершенных людей, как Борис и Глеб. Святополк одержим этой греховной (и даже отступнической) идеей, которая приводит его к преступлению и отказу от любви. Подлинная «язва» Святополка – это зависть³⁸² к братьям. И завидует он не тому, что братья были более любимы отцом – Владимиром – и будто имели больше прав на княжескую власть, а их нравственным качествам, а значит, и недоступным ему переживаниям: любви к Богу и ближнему.

В своей предсмертной молитве Борис говорит: **«Слава Ти, Господи, о всѣмъ, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую съмърть и все прстрадати любве ради словесе Твоего»**³⁸³. Повтор слова «ради» несет на себе не только художественную и синтаксическую функции, но и функцию противопоставления – любовь божественного происхождения противостоит зависти Святополка: книжники указывают, что она внушена сатаной. Таким образом, они осваивают важную мысль о «правильных» и «неправильных» эмоциях, в конечном счете, формулируя *допустимое* жертвенное поведение через утверждение особой эмоциональной культуры³⁸⁴. Не случайно, что Борис с радостью вспоминает слова Христа: **«иже погубити душу свою Мене ради и михъ словесъ, обрящети ю, въ животѣ вѣчнѣмъ съхранитю»**³⁸⁵.

При этом выделение доминантных эмоций жертвенности происходит не без своих трудностей³⁸⁶. Тексты фиксируют сложности поисков эмоциональной культуры на стыке христианской и языческой эпох. Если Борис словно бы от рождения пребывает с мыслью о силе

³⁸⁰ Там же: 38–39. Подробнее об этом месте см.: Дмитриева 2010.

³⁸¹ Абрамович 1916: 39.

³⁸² Подробнее о феномене зависти, в т. ч. и ее эмоциональной природе см.: Донцов 2014. Специфика чувства вины у Святополка может стать объектом отдельного исследования.

³⁸³ Абрамович 1916: 34.

³⁸⁴ Не путать с аффективным поведением, для которого характерен непредсказуемый результат.

³⁸⁵ Абрамович 1916: 31.

³⁸⁶ Само слово «жертвовать», вероятно, воспринималось иначе, чем сегодня. Ср., как это делает, напр., прот. Г. П. Флоровский: «Приносить жертву не значит только жертвовать. Даже с чисто нравственной точки зрения весь смысл жертвы заключается не в отречении, но в жертвенной силе любви» [прот. Флоровский] – в той же эмоциональности.

любви, то Глеб испытывает смешанные чувства и просит у брата, предстоящего перед Богом: **«Моли о моемъ унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмъ»**³⁸⁷, **«вижь скръбь сѣрдьца моего и язву душа моя, вижь течение слъзъ моихъ, яко рѣку, и никто же не вънемлетъ ми, – но ты убо помяни мя и помолися о мнѣ къ обще-му Владыщѣ»**³⁸⁸.

Таким образом сходство переживаемого тремя братьями опыта очевидно (на это наталкивает сам язык описания: болезнь/язва души/сердца³⁸⁹), при этом он имеет явно чувственную природу. На христианской эмоциональной оси уныние, переживаемое Глебом, находится где-то посередине между абсолютно положительным чувством любви и крайне осуждаемым чувством зависти, хотя и ближе к последнему, поскольку христианство относит и то и другое к грехам. Слово «уныние» само связано с переживанием болезни (ср. «ныть») и на праславянском уровне соотносится с реконструируемым словом *naviti*, а следовательно, и со связанным с ним значением ‘мучить, губить’³⁹⁰, что соотносится со смертью души (что в итоге и произошло со Святополком).

Глеб следует той же модели поведения, что и Борис, но с положительной оценкой жертвенности здесь не все однозначно, поскольку путь к ней для Глеба сопряжен с унынием, а для Бориса с тяжелой печалью: **«И бяше сънь его въ мнозѣ мысли и въ печали, крѣпцѣ и тяжцѣ и страшнѣ, како предатися на страсть, како пострадати и течение съкончати и вѣру съблости, яко да и щадимый вѣнць прииметь отъ руки Вседържителейъ»**³⁹¹. В конечном счете, братья приходят к выводу, что добровольная смерть – единственный правильный путь, эмоциональным стержнем которого становится любовь, приобретающая подлинно ритуальный и символический смысл.

Это наводит исследователя на вопрос, на который пока невозможно дать ответ: могло ли в этот исторический период реализоваться с той же силой другое поведение с теми же подлинно христианскими эмоциями, и что помешало носителю эмоций – исторической личности или создателям художественного текста – обойтись без такой жертвы³⁹²? Можно предположить, что мы имеем дело с радикально понятым христианским долгом, вступившим в противоречие с долгом ро-

³⁸⁷ Абрамович 1916: 40.

³⁸⁸ Там же: 42.

³⁸⁹ О наполнении понятий сердца и души в Древней Руси см.: Шайкин 2015.

³⁹⁰ См.: Этимологический словарь славянских языков: 66–67.

³⁹¹ Абрамович 1916: 33.

³⁹² В дальнейшей литературной традиции жертвенная модель будет значительно скорректирована, отчасти в силу действия общего закона медиации. См.: Ахизер 1998.

довым (государственным)³⁹³ – и в итоге с индивидуальным выбором, сопряженным с человеческой чувствительностью.

В завершение нельзя не вспомнить, что древнерусские книжники не очень задавались вопросами догматики; исследователь древнерусского богословия приходит к выводу, что для Руси вообще было характерно обращение к сердцу³⁹⁴ и воле, нежели к интеллекту³⁹⁵. Неслучаен вопрос книжника, обращенный к читателю: «**Къто не почюдитъя великууму съмирению, къто ли не съмѣрится, оного съмѣрение видя и слыша?**»³⁹⁶. Подобные обращения к явно нерациональной сфере человеческого сознания показывают, насколько индивидуализированный характер получает жертвенность Бориса и Глеба (и вообще образ русского святого) на ранней стадии христианства на Руси, смирение при этом оказывается ключевой чертой, которая, по авторскому определению, не может не вызывать восхищения. Моделирование такого поведения определялось не столько областью собственно богословия, сколько эмоциональным, но сознательным художественно-эстетическим обращением к сфере сердца и его переживаниям («болезням»), что отразилось на памятниках древнерусской литературы.

Список источников и литературы

- Абрамович 1916** – Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. – Пг.: Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1916.
- Ахиезер 1998** – Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Бибихин 1994** – Бибихин В. В. Власть России // Новая Юность. – 1994. – № 1. URL: http://www.bibikhin.ru/vlast_rossii (дата обращения: 05.03.2017).
- Вагнер 1995** – Вагнер Г. К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. – М.: Наследие, 1995. – С. 16–23.
- Вышеславцев 1929** – Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике. – Париж : YMCA PRESS, 1929.
- Демин 2009** – Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Гребенюк. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

³⁹³ Об этом см., напр., исследование историко-культурной динамики понятия долга: Маслов 2009. Ср.: Бибихин 1994.

³⁹⁴ О религиозно-мистической «философии сердца» см.: Вышеславцев 1929.

³⁹⁵ Подскальски 1996: 454.

³⁹⁶ Абрамович 1916: 37.

- Дмитриева 2010** – Дмитриева Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 14-19.
- Донцов 2014** – Донцов А. И. Феномен зависти. Homo invidens? – М.: Эксмо, 2014.
- Лихачев 1958** – Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- Лихачев 1979** – Лихачев Д. С. Литературный этикет // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Изд. 3-е доп. – М.: Наука, 1979. – С. 80-102.
- Маслов 2009** – Маслов Б. П. От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 201-270.
- Плампер 2018** – Плампер Я. История эмоций / пер. с нем. К. Левинсона. – М.: Новое лит. обозрение, 2018.
- Подскальски 1996** – Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). – СПб.: Византино-россика, 1996.
- Ранчин 2017** – Ранчин А. М. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Российская империя чувств** – Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое лит. обозрение, 2010.
- Творогов 1980** – Творогов О. В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – С. 19-61.
- Топоров 1995** – Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. – М.: «Гнозис»; Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1. Первый век христианства на Руси.
- прот. Флоровский** – прот. Флоровский Г. В. Искупление. URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/37558.php> (дата обращения: 05.03.2018).
- Шайкин 2015** – Шайкин А. А. Дух, душа, сердце, ум в древнерусских текстах XI—XII вв. // Древняя Русь: пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / отв. ред. В. М. Кириллин. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 108-131.
- Этимологический словарь славянских языков** – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 26. – М.: Наука, 1999.

Lunde 2006 – Lunde I. When the Devil Quotes the Psalms: On the Function of Reported Speech in the “Tale of Boris and Gleb” // Harvard Ukrainian Studies. – 2006. – № 28 (1/4). – P. 225-235.

Alexey I. Popovich

**“THE HEART DISEASE” IN THE “TALE OF BORIS AND GLEB”:
THE EMOTIONAL ASPECT OF SACRIFICIAL MODEL
OF BEHAVIOR**

In the article it is offered to use approach of history of emotions to a research of sacrificial model of behavior in literary monuments of the Boris and Gleb’s cycle of 11–12th centuries. Specifics of figurative disclosure of emotions in the text are formulated, and the question of a reasons of emotional and historical conditionality of such behavior is raised.

Keywords: saints Boris and Gleb; “Tale of Boris and Gleb”; history of emotions; sacrifice; model of behavior, Old Russian literature.

УДК 811.133.1'42

Код ВАК 07.00.03

А.А. Постникова *

**ОБРАЗ НАПОЛЕОНА «В ЗЕРКАЛЕ» ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЕКТОВ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ***

Автор предприняла попытку представить трансформацию образа Наполеоновской эпохи в политическом дискурсе современной Франции. Стремление французских властей через обращение к категориям прошлого обосновать авторитарные методы руководства вызывает, как правило, резкое противодействие со стороны общественности. Автор пришла к выводу о том, что образ Наполеона занимает знаковое место в политическом дискурсе Франции, являя собой некий символический поиск образца совершенной властной модели. Однако трансформация облика французского императора на разных этапах развития режима V республики демонстрирует, что использование в

Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Alena A. Postnikova, PhD, associate professor, senior research associate of the Ural Federal University, associate professor of the chair of general history of the Ural State Pedagogical University.

Телефон/Phone: +7(343)235-76-34. E-mail: alina33_07_87@mail.ru.

© Постникова А. А., 2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).